U 292
1079

1079

Къ вопросу о погребальныхъ маскахъ и куклахъ у западно-сибирскихъ инородцевъ [1]).

То, что я намѣренъ предложить сейчасъ вниманію присутствующихъ, не есть самостоятельное изслѣдованіе и нисколько не претендуетъ на исчерпывающее значеніе. Это—не болѣе, какъ нѣсколько замѣчаній или точнѣе соображеній, вызванныхъ сообщеніемъ почетнаго члена нашего Общества, Н. Ѳ. Высоцкаго, 15 дек. прошлаго года. Новизна постановки вопроса въ его докладѣ, оригинальность его рѣшенія, при утверждаемомъ самимъ авторомъ гипотетическомъ характерѣ послѣдняго, и, наконецъ, стремленіе мое пойти навстрѣчу высказанному Николаемъ Ѳеодоровичемъ и раздѣленному Обществомъ желанію замѣнить случайные рефераты систематическими, въ опредѣленномъ направленіи,—вотъ тѣ мотивы, которые побудили меня откликнуться на поднятый проф. Высоцкимъ вопросъ.

Чтобы быть яснѣе, напомню тѣ выводы, къ какимъ пришелъ онъ. Извѣстно, что вогулы покрываютъ лица своихъ покойниковъ кусками оленьей шкуры. Изъ вновь вышедшей монографіи „Вогулы“ В. Г. Павловскаго (Казань 1907) открывается, что на лоскутѣ, въ мѣстахъ, приходящихся противъ глазъ и рта, нашиваются мѣдныя пуговицы. Значитъ, заключаетъ Н. Ѳ., этотъ лоскутъ есть прототипъ тѣхъ погребальныхъ масокъ, которыя издревле употреблялись какъ у культурныхъ, такъ и у первобытныхъ народовъ, начиная съ египтянъ.

---

[1]) Доложено въ общемъ собраніи 17 февр. 1908 г.

Но что касается смысла такой маски именно у вогуловъ, то къ выясненію его проф. Высоцкій привлекъ находящееся въ его этнографической коллекціи изображеніе, которое онъ называетъ вогульскимъ идоломъ и у котораго лобъ и лицо тоже покрыты отдѣльнымъ кускомъ оленьей шкуры съ мѣдными вылуженными пуговицами въ глазныхъ вырѣзкахъ. Изъ послѣдней подробности убора „идола“ Н. Ѳ. и выводитъ свое объясненіе лоскута на покойникѣ, именно, что онъ играетъ роль маски, напоминающій лицо идола, т. е. божества и, такимъ образомъ, служитъ оберегомъ, охраняющимъ покойника отъ злыхъ, адскихъ духовъ. Впрочемъ, онъ допускаетъ и другое значеніе для вогульской маски-лоскута—закрывать лицо трупа и этимъ уменьшать тотъ страхъ, который вселяетъ послѣдній въ окружающихъ.

Вотъ по поводу этого объясненія смысла погребальныхъ масокъ у вогуловъ мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ. Можно, конечно, не спорить противъ того и другого значенія, приписываемаго имъ Н. Ѳ-чемъ. Если вообще они придаются погребальнымъ маскамъ, то нѣтъ основаній оспаривать ихъ въ приложеніи къ вогульскимъ маскамъ, особенно если согласиться съ тою мыслію, что этотъ погребальный обычай проникъ въ Азію изъ странъ греко-римскаго міра [1]). И если доселѣ этотъ путь, которымъ шло употребленіе масокъ, доводили только до Минусинска [2]), то это не значитъ, что онъ не могъ дойти и дальше, въ самый сѣверо-западный уголъ

---

[1]) С. К. Кузнецовъ, «Погребальныя маски, ихъ употребленіе и значеніе». Изв. Общ. арх., ист. и этн., т. XXII, 114. 115. Къ числу приведенныхъ здѣсь объясненій значенія масокъ (стр. 77 и 117) мнѣ представляется возможнымъ присоединить еще одно—гигіеническое. У аларскихъ бурятъ, по свидѣтельству извѣстнаго путешественника Потанина, умершаго «одѣваютъ въ лучшую одежду, ротъ и глаза завязываютъ платкомъ, признавая запахъ изо рта покойника вреднымъ для здоровья живыхъ, какъ и послѣднее дыханіе покойнаго» («Извѣстія», X, 196). Нельзя ли на платокъ тоже взглянуть, какъ на своего рода маску?

[2]) «Изв.», XXII, стр. 101—104.

Сибири. Но каждый народъ, перенимая этотъ обычай—покрывать маской лицо своихъ покойниковъ, могъ давать ему свое собственное значеніе, болѣе приближающееся къ его религіозному міровоззрѣнію. Потому важно уловить этотъ подлинный смыслъ погребальныхъ масокъ у вогуловъ. И это тѣмъ важнѣе, если считать послѣднія *прототипами* масокъ, *первобытными* погребальными масками и придавать имъ мѣстное происхожденіе, а не заимствованное.

Въ литературѣ о вогулахъ мы не нашли такого указанія, какъ они сами смотрятъ на значеніе кусковъ шкуры, покрывающей лица ихъ покойниковъ. Да, повидимому, его и не было сдѣлано. По крайней мѣрѣ на эту особенность вогульскаго погребальнаго обряда не обращено даже вниманія такимъ видным этнографомъ, какимъ былъ покойный И. Н. Смирновъ. [1]) Но за то имѣется такое указаніе относительно остяковъ, ближайшихъ сородичей и сосѣдей вогуловъ. Вотъ какъ описывается снаряженіе покойника въ далекій путь у остяковъ. „Прежде всего берется небольшой лоскутъ выдѣланной оленьей шкуры и этимъ лоскутомъ, шерстью внизъ, плотно обматывается голова покойника. На тѣхъ мѣстахъ лоскута, противъ которыхъ должны приходиться ротъ, носъ, глаза и уши покойника, пришивается по одной мѣдной пуговицѣ. Такимъ образомъ умершій, по мнѣнію остяковъ, переставая видѣть, слышать, обонять, говорить и проч., окончательно теряетъ всякую матеріальную связь съ здѣшнимъ міромъ“ [1]). Это объясненіе смысла погребальныхъ масокъ у остяковъ намъ представляется тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что, какъ видно изъ всего характера статьи, откуда оно заимствовано, оно дѣйствительно отображаетъ мысль самихъ инородцевъ, связано съ подлиннымъ ихъ міровоззрѣніемъ, а не есть догадка автора статьи. Авторъ вообще избѣгаетъ выдавать свои соображенія за вѣрованія остяковъ:

---

[1]) «Остяки и вогулы (югра). Историко-этнографическій очеркъ». Вѣстникъ и библіотека самообразованія. 1904. №№ 2—4.

[2]) И. П. Росляковъ, «Похоронные обряды остяковъ». Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея, вып. V (Тобольскъ, 1895—1896).

„Къ сожалѣнію, заявляетъ онъ по вопросу о порчѣ вещей, бросаемыхъ на кладбищѣ или идущихъ за покойникомъ въ могилу,—я не могъ добиться отъ нихъ чего-нибудь настолько положительнаго и заслуживающаго вниманія, чѣмъ могъ бы подѣлиться съ читателемъ". „Описывая обрядности остяцкаго погребенія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, я буду стараться по возможности объяснять ихъ съ религіозной точки зрѣнія остяковъ". Съ религіозной точки зрѣнія онъ объясняетъ и употребленіе лоскута шкуры, покрывающей лицо покойника. Этотъ лоскутъ какъ будто символизируетъ разрывъ, разобщеніе между прожитой покойникомъ земной жизнью и новой, въ которую онъ вступилъ въ моментъ смерти. Хотя полнаго разобщенія и нѣтъ, но остяки хотѣли бы установить его. „Судя по нѣкоторымъ вѣрованіямъ остяковъ, надо думать, говоритъ цитуемый авторъ, что жители загробнаго міра могутъ имѣть сношенія съ обитателями земли, но такихъ сношеній, очевидно, инородцы избѣгаютъ". Этимъ объясняется и очищеніе присутствовавшихъ на похоронахъ скаканіемъ чрезъ горящій очагъ чума съ окуриваніемъ бобровой струей, и замѣна собственнаго имени умершаго словомъ „покойный", чтобы не тревожить и не вызывать его тѣни, которая можетъ въ противномъ случаѣ захватить съ собой и другую тѣнь-живущаго.

Вогулы различаютъ три части въ составѣ человѣческаго „я": тѣло, душу и тѣнь. Душа (лили-хелм-холасъ) подъ которой нужно, кажется, разумѣть жизненную силу организма, послѣ смерти человѣка переходитъ въ тѣло рождающагося младенца того-же рода, а если родъ прекратился,—въ младенца другого рода и даже другой народности. Что же касается до тѣни (исъ), то она отправляется въ подземное царство куля (діавола), росположенное въ Ледовитомъ океанѣ за устьемъ Оби. Здѣсь то и продолжается земная жизнь человѣка: тѣнь живетъ такъ, какъ жилъ человѣкъ на землѣ и занимается тѣми же земными дѣлами, избавившись лишь отъ болѣзней, голода и повинностей. Этимъ убѣжденіемъ объясняется, что вогуличи кладутъ

въ гробъ умершему всѣ вещи, бывшія необходимыми для него въ земной жизни [1]), и что замѣняютъ его здѣсь на землѣ куклой.

Глухое упоминаніе о погребальной куклѣ мы находимъ уже въ сочиненіи г. Павловскаго. „Для облегченія перехода тѣни въ загробное существованіе изъ земного, говоритъ онъ, вогулянки дѣлали куклы, которыя ѣли за общимъ столомъ, спали съ ними. Чрезъ годъ куклу хоронили. Нынѣ продѣлывается это по отношенію къ бѣлью умершаго“ (195—196). Немногимъ яснѣе для насъ смыслъ куколъ и такъ же не ясенъ ихъ видъ въ статьѣ И. Н. Смирнова: „Чтобы облегчить тѣни (и душѣ) на нѣкоторое время существованіе на землѣ, южные остяки взамѣнъ погребеннаго тѣла дѣлали для тѣни куклу, въ которую она и поселяется. Кукла спала съ вдовой, ѣла за общимъ столомъ съ семьей. Чрезъ годъ ее также хоронили въ могилѣ усопшаго. Теперь этотъ обычай вывелся; роль куклы перешла на бѣлье умершаго, съ которымъ продѣлываютъ всѣ тѣ же церемоніи“ [2]). Опредѣленнѣе и детальнѣе говоритъ о погребальныхъ куклахъ г. Росляковъ. Когда покойникъ, одѣтый извѣстнымъ образомъ, и всѣ имѣющія сопровождать его вещи уложены бываютъ въ гробъ, домашніе приступаютъ къ „изготовленію куклы (шонгот), долженствующей замѣнить собою умершаго. Вначалѣ небольшая, кукла эта со временемъ растетъ въ своемъ объемѣ сообразно тому, насколько подрастетъ за это время находящійся теперь въ томъ мірѣ умершій человѣкъ, вторично переживающій свой младенческій и юношескій періоды жизни. Впослѣдствіи, когда остяцкая семья будетъ совершать свои трапезы, кукла эта тоже за каждымъ принятіемъ пищи будетъ всегда принимать въ этомъ участіе, занимая центральное положеніе около столика или около того блюда, вокругъ котораго усаживаются обѣдающіе и пьющіе

---

[1]) Н. Гондатти, «Слѣды язычества у инородцевъ с.—западной Сибири», — у В. Павловскаго, 195.

[2]) Вѣстникъ и библіотека самообразованія, 1904. № 4.

чай хозяева. По прошествіи извѣстнаго промежутка времени (что-то около луннаго года), кукла эта достигаетъ положеннаго для нея размѣра и въ свою очередь хоронится—уносится на могилу того умершаго, представителемъ котораго она была здѣсь, и зарывается въ землю или же кладется въ гробницу покойника. Этого періода—луннаго года—считается достаточнымъ для того, чтобы умершій достигъ въ томъ мірѣ того возраста, когда онъ можетъ вступить въ самостоятельное обладаніе своимъ загробнымъ имуществомъ, такъ что попеченіе о немъ здѣсь считается уже излишнимъ". Такимъ образомъ, эта кукла есть какъ бы образъ умершаго, и замѣчательно, что на остяцкомъ языкѣ она носитъ то же названіе, что и послѣдній, именно *шонгот*, что значитъ *покойный*. Не менѣе любопытно, что близкіе сосѣди вогуловъ и остяковъ—самоѣды, у которыхъ тоже существуетъ анализируемый погребальный обычай, называютъ куклу „портретомъ" покойнаго [1]).

---

[1]) Объ этомъ см. интересный разсказъ извѣстнаго путешественника по сѣверу г. К. Носилова въ «Моихъ запискахъ о жизни, обычаяхъ и вѣрованіяхъ самоѣдовъ»: «Дома, пишетъ онъ, семья покойнаго сшиваетъ похожій на него костюмъ, дѣлаетъ куклу въ двѣ четверти вышины, похожую на покойнаго, и хранитъ ее, какъ будто это продолжающій невидимо существовать умершій членъ семьи. Каждый разъ, когда семья бываетъ за ѣдой, куклу вынимаютъ изъ-подъ подушки стариковъ, сажаютъ за столикъ, ставятъ передъ ней чашку, кормятъ, мажутъ пищей губы и угощаютъ ее даже табакомъ, и водкой, когда разживутся послѣдней. Ежегодно, кромѣ того, эту куклу украшаютъ: то новой одеждой, то новой ленточкой, бусами, перстнями, шапочкой, и когда исполнится 5 лѣтъ, то куклу (портретъ) уносятъ на кладбище, кладутъ въ маленькія саночки съ голбчикомъ (съ ларчикомъ), закупориваютъ и оставляютъ тамъ навсегда, по временамъ приходя помянуть, принести еще жертву или что-нибудь изъ мелкихъ вещей. Въ продолженіи 5 лѣтъ, по ихъ понятіямъ, покойный присутствуетъ съ ними, почему его и нужно почитать и угощать. Послѣ истеченія этого срока память о немъ кончается и поминки бываютъ только ежегодно—разъ» (Православный благовѣстникъ, 1896, I, 20; ср. 18).—Новѣйшій путешественникъ къ самоѣдамъ, А. А. Борисовъ, на о-вѣ Вайгачѣ раскрылъ могилу самоѣда, умершаго четверть вѣка назадъ, и нашелъ наряду съ разными вещами, обычно сопровождающими въ загробный міръ инородца, около груди, съ правой стороны, «небольшого идола». («У Самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря». Изд. А. Ф. Девріена. Спб., стр. 91. 92). Не была ли и это погребальная кукла?

Не трудно найти аналогіи этому погребальному обычаю на далекомъ отъ Сибири культурномъ югѣ Европы, а также въ Египтѣ въ отдаленныя отъ насъ времена. Вотъ немногія свидѣтельства изъ собранныхъ С. К. Кузнецовымъ [1]). При погребеніи Цезаря „поверхъ ложа было помѣщено изображеніе его изъ воска, тѣло же было положено ниже, и его не было видно Кукла Цезаря, благодаря механическимъ приспособленіямъ, раскачивалась во всѣ стороны и на ней видѣлось 23 раны по всему тѣлу и по лицу, придававшія ему ужасный видъ". Тѣло Августа, умершаго въ Нолѣ, за ночь перевезено было въ Римъ и поставлено въ закрытомъ гробу, въ вестибюлѣ палатинскаго дворца, а надъ гробомъ выставлено было одѣтое въ императорскія погребальныя одежды восковое изображеніе Августа, которое и фигурировало въ погребальной процессіи. Тоже было и при погребеніи Септимія Севера. Предъ опущеніемъ тѣла умершаго въ могилу ложе съ фигурой покойника, за ненадобностью уносилось прочь или, если практиковался другой видъ погребенія—сожженіе, эта фигура предавалась пламени на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ. Такимъ образомъ, римскія погребальныя куклы, повидимому, соотвѣтствовали по величинѣ росту умершаго. Еще ближе къ западносибирскимъ погребальнымъ кукламъ по своимъ размѣрамъ и по своей идеѣ египетскія. „Вмѣстѣ съ мумiей—читаемъ въ той же статьѣ г. Кузнецова—въ склепъ помѣщались любимыя вещи покойнаго, а также нѣсколько статуэтокъ (до 1 метра высоты, но чаще значительно меньше), болѣе или менѣе точно изображавшихъ умершаго. Дѣлалось это про запасъ, на тотъ случай, чтобы душа египтянина могла при воскресеніи вселиться въ копію своего тѣла, если бы мумія какимъ-нибудь образомъ утратилась. Для облегченія душѣ возможности находить свое тѣло, соблюдалось точное портретное сходство въ изображе-

---

[1]) «Погребальныя маски, ихъ употребленіе и значеніе». Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи, т. XXII (1906), 108—112.

нiи лица покойника, какъ на маскѣ и статуэткѣ, такъ и на крышкѣ саркофага“ [1]).

Въ виду давняго употребленія погребальныхъ куколъ на территоріи классическихъ народовъ, намъ представляется естественнымъ думать, что онѣ, какъ и погребальныя маски, послѣ того какъ употребленіе ихъ стало падать тамъ, мало-по-малу распространились вглубь Азіи, тронутой греческой культурой со временъ Александра Вел., и проникли даже въ сѣверные предѣлы азіатскаго материка [2]). Относительно масокъ это подтверждается находками А. В. Адріанова въ Минусинскомъ округѣ въ 1903 г. (гипсовыя маски) [3]), относительно куколъ,—кромѣ данныхъ, касающихся вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, мы это видимъ у урянхайцевъ, кочующихъ въ Сѣверной Монголіи по Черному Иртышу, у якутовъ. У первыхъ, если покойникъ пользовался уваженіемъ народа, то рядомъ съ его тѣломъ выставляется его изображеніе, вытесанное изъ камня или вырѣзанное изъ дерева [4]). Объ якутахъ тоже извѣстно, что у нихъ „на память объ умершемъ и въ честь его духа-покровителя прежде существовалъ обычай вырѣзывать изъ дерева маленькую куклу; ее ставили гдѣ-нибудь за юртой, обыкновенно въ дуплѣ какого-либо дерева; предъ ней клали лучшіе кусочки пищи и ротъ ей мазали масломъ или рыбнымъ жиромъ“ [5]). Такого же вѣроятно, происхожденія и такъ называемыя каменныя бабы. Но, конечно, настаивать на томъ, что этого рода погребальные

---

[1]) Ibidem, 83. Не такъ давно французскій археологъ А. Барзанти открылъ въ Египтѣ, около пирамиды Уна (Ounas), нетронутую гробницу V в. до Р. Х. Въ ней, по правую и по лѣвую сторону отъ входной двери, найдена 401 погребальная статуэтка; онѣ сдѣланы изъ глины и покрыты голубой эмалью (Этнографическое обозрѣніе, 1907, № 3, стр. 157).

[2]) С. К. Кузнецовъ, ibid., 114. 115.

[3]) Ibid., 78, 80. 101—104.

[4]) Н. Ѳ. Катановъ, «О погребальныхъ обычаяхъ у тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней» («Извѣстія», XII, 128).

[5]) «Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ восточной Россіи» («Извѣстія», X, 85—86).

обычаи появились на сѣверѣ Азіи непремѣнно изъ Египта или Рима, нельзя,—они могли явиться здѣсь и вполнѣ самостоятельно.

Возвращаясь къ вогульскимъ погребальнымъ куклам, остается сдѣлать слѣдующій, прямо вытекающій изъ рѣчей о нихъ выводъ: онѣ, имѣя ближайшее отношеніе вообще къ погребальнымъ обрядамъ, не могутъ объяснить смысла употребленія лоскута оленьей шкуры, покрывающей лицо покойника; напротивъ, ихъ лица покрываются шкурой потому, что у вогуловъ покойники хоронятся съ этими sui generis погребальными масками. Кукла—„портретъ“ покойника, тотъ же шонгот.

Остается еще отвѣтить на два вопроса: а) имѣютъ ли отношеніе къ погребальнымъ обычаямъ западно-сибирскихъ инородцевъ ихъ идолы и б) идолъ ли изображеніе, демонстрированное Н. Ѳ. Высоцкимъ 15 декабря?

Хотя все сказанное выше предрѣшаетъ оба вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, приходится этотъ отвѣтъ нѣсколько аргументировать. То, что сказалъ Спаситель о Богѣ, что Онъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ, приложимо отчасти къ божествамъ тѣхъ народовъ, у которыхъ выработались антропоморфическія представленія. Ихніе боги и по идеѣ и по внѣшнему виду—тѣ же люди и, разумѣется, живые, а не мертвые. Олицетвореніе человѣческой силы, величія, красоты, ума,—человѣкообразныя изображенія боговъ напоминаютъ, конечно, живыхъ людей, а не покойниковъ. Оттого, конечно, всѣ идолы въ видѣ людей имѣютъ стоячее или сидячее положеніе, а не лежачее. Если такъ, то на идолѣ трудно ожидать маски изъ оленьей шкуры. И, дѣйствительно, просмотрѣвъ рядъ статей и книгъ о вогулахъ, начиная съ Путевыхъ записокъ Исбранса-Идеса, голландскаго купца, познакомившагося съ вогулами въ 1692 г. по пути въ Пекинъ въ качествѣ русскаго посланника [1]), и кончая новѣйшей работой В. Г. Павлов-

[1]) Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. 2, т. VIII. Объ идолахъ у самоѣдовъ, остяковъ и вогуловъ см. у Д. Анучина въ статьѣ «Къ исторіи

скаго, я не нашелъ нигдѣ, чтобы лица идоловъ покрывались мѣхомъ или шкурой, хотя встрѣчалъ довольно подробныя описанія идольскихъ одеждъ. Въ частности долженъ отмѣтить, что послѣдній, г. Павловскій, различаетъ три вида изображеній у вогуловъ: шайтановъ или идоловъ общественнаго, такъ сказать, характера (184—187; 211), пенатовъ или домашнихъ боговъ (193—194, 211), и погребальныя куклы (195—196).

Конечно, можно сближать послѣднія съ идолами, какъ это и дѣлаетъ Георги. Въ статьѣ объ о(с)тякахъ, говоря о погребеніи у нихъ, онъ замѣчаетъ: „*Важныхъ* своихъ *людей* они называютъ полубожками, или святыми. Изображающая кого нибудь изъ нихъ кукла ставится наряду съ идолами, и оную подчиваютъ кушаньемъ, и помазываютъ такъ же, какъ и самихъ идоловъ. Вдовы кладутъ иногда такія, мужей ихъ представляющія куклы съ собою и въ постель, при томъ когда сами ѣдятъ, не забываютъ и онымъ удѣлять". [1]) Но если сообщеніе Георги, основанное, нужно замѣтить, не на личномъ знакомствѣ съ остяками, и справедливо, то оно касается только нѣкоторыхъ случаевъ обожествленія погребальныхъ куколъ и не подрываетъ общаго смысла послѣднихъ и обычнаго представленія о нихъ.

Все сказанное я могъ бы формулировать въ слѣдующихъ тезисахъ:

а) Представленное Н. Ѳ. Высоцкимъ изображеніе—не идолъ, а погребальная кукла, кромѣ вогуловъ находимая у остяковъ и самоѣдовъ.

б) Замѣняя умершаго, кукла изображаетъ его собственно въ періодъ его роста въ томъ мірѣ; съ достиженіемъ имъ зрѣлости, она хоронится.

ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе о «человѣцѣхъ невнаемыхъ въ восточной странѣ» (Древности. Труды Императ. Московскаго археологическаго Общества, XIV, М. 1890). 277—284.

[1]) Георги, Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ, ч. I. Спб. (1799).

в) Какъ копія умершаго, отображающая подробности *его* костюма, кукла не можетъ служить къ объясненію смысла покрыванія лица покойника лоскутомъ оленьей шкуры.

г) Смыслъ этого обычая, объясняемый изъ религіозныхъ воззрѣній инородцевъ, сводится къ стремленію порвать всякую связь умершаго съ здѣшнимъ міромъ.

д) Объясненіе это даетъ этнографическая литература объ остякахъ, а не о вогулахъ.

е) По отношенію къ вогуламъ проф. Высоцкій первый поднимаетъ вопросъ о смыслѣ покрыванія лицъ умершихъ, какъ онъ же первый, насколько мнѣ извѣстно, отожествляетъ служащіе для того лоскуты оленьей шкуры съ извѣстными давно уже погребальными масками.

К. Харламповичъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харлампович.

Отдѣльный оттискъ изъ 6-го выпуска XXIII тома «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи».

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1908.

2007041431